

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/83/13

**«Мстислава древний поединок...»:
рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры
«Бой Мстислава с Редедей» (1959)**

**Татьяна Ивановна Ковалева¹
Игорь Евгеньевич Лоцилов²**

^{1,2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ tkv1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>
² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Аннотация

Рассматривается стихотворение В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959), в основе которого выявляется рассказ «Повести временных лет» под 6530 (1022) г., посвященный событию, вынесенному в заглавие стихотворения. Обращаясь к названному рассказу, а также и к другим рассказам «Повести», и к «Слову о полку Игореве», Соснора строит лирический сюжет. Он интерпретирует (по его самоопределению, «перефантазирует») событие древнерусской истории, расставляя свои смысловые и ритмические акценты в соответствии с замыслом – приблизить его к современному читателю, как бы предлагая фантастическую реконструкцию одной из песен Бояна.

Ключевые слова

древнерусская литература, литература Нового времени, историзм, поэзия XX века, Виктор Соснора, Повесть временных лет, стихотворение «Бой Мстислава с Редедей»

Для цитирования

Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179. DOI 10.17223/18137083/83/13

© Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 166–179

**“The ancient duel of Mstislav...”:
the story of “The Russian Primary Chronicle”
in a V. Sosnora’s poem “The battle of Mstislav with Rededya” (1959)**

Tatyana I. Kovaleva¹, Igor E. Loshchilov²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ tkv1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Abstract

This paper deals with the poem by V. Sosnora, “The Battle of Mstislav with Rededya” (1959). The poem is based on the story of “The Russian Primary Chronicle” under 6530 (1022) devoted to the event mentioned in the title. According to the poet, when writing his “historical” poems, he “re-imagines” the material of ancient Russian monuments and brings it closer to the modern reader. The poet’s creative method was often misunderstood by critics and satirists who referred to his “irreverent” treatment of history. In terms of literary criticism, “re-imagining” implies using a rich palette of poetic means of allusions and associations, a deliberate mixture of ancient and modern, and others. Addressing the named story of “The Russian Primary Chronicle,” as well as to other chronicle stories and “The Song of Igor’s Campaign,” Sosnora creates a poetical plot. This plot emphasizes the dynamics of the duel of chronicle characters, marks individual features of their appearance, hides by default an important detail for the chronicle narrative (knife), and introduces a dialogue (an expressive squabble before the battle of the title characters), reworking the chronicle event to give the battle scene “visual”, “cinematic” effect. This could not be the case in Old Russian narration subordinated to literary etiquette. By arranging the semantic and rhythmic accents under his idea, the poet seems to offer a fantastic reconstruction of one of the Boyan’s songs.

Keywords

Old Russian literature, modern literature Viktor Sosnora, historicism, poetry of the 20th century, The Russian Primary Chronicle, poem “The battle of Mstislav with Rededya”

For citation

Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. “The ancient duel of Mstislav...”: the story of “The Russian Primary Chronicle” in a V. Sosnora’s poem “The battle of Mstislav with Rededya” (1959). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 166–179. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/13

В предисловии к первому сборнику стихов Виктора Сосноры «Январский ливень» (1962) Николай Асеев отметил два значимых для «древнерусского» цикла «За Изюмским бугром» источника: «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) и «Слово о полку Игореве» [Соснора, 1962, с. 6]. В настоящей работе речь пойдет о стихотворной переработке рассказа ПВЛ, ставшего основой для стихотворения «Бой Мстислава с Редедей» [Соснора, 1969, с. 22–24].

Оно было создано в 1959 г. [Там же, с. 26] и напечатано в первом сборнике поэта, «Январский ливень» [Соснора, 1962, с. 74–44]. В древнерусский раздел его второй книги, «Триптих» (1965), оно не вошло. Начиная с третьей книги, «Всадники» (1969), «Бой Мстислава с Редедей» неоднократно воспроизводился в сборниках поэта [Соснора, 1969, с. 22–24; 1989, с. 33–35; 2003, с. 22–24; 2006, с. 14–15; 2010, с. 29–31; 2018, с. 32–33]. Интересующее нас стихотворение при-

сутствует в двух из трех известных нам ранних машинописных редакций цикла по мотивам древнерусской словесности («Голь перекатная»; архивные фонды поэтессы Майи Борисовой¹ и Лили Брик²). При первой публикации [Соснора, 1962, с. 80] стихи «Мстислав до мизинцев улыбкою заслан»³, «Вспотевшая пыль», «и побежали» читались: «Мстислав сокрушенной улыбкою заслан», «Огромная пыль», «и вспять побежали» (в машинописных редакциях – «и вдаль побежали»). Двукратно встречающиеся в тексте стихи «Мудрец Ярослав и молва не напрасно / прозвали Мстислава маститого Храбрым» в «Январском ливне» и в машинописных редакциях дважды были оформлены в виде 4 строк («горизонтальные строки с отбитым краем» [Гаспаров, 2022, с. 380]): «Мудрец Ярослав и молва / не напрасно / прозвали Мстислава маститого / Храбрым».

Название стихотворения указывает на соответствующий рассказ ПВЛ под 6530 (1022) г. – о единоборстве тмутараканского князя Мстислава Владимировича Храброго, сына Владимира Красное Солнышко, крестителя Руси, с касожским⁴ князем Редедей.

Уверенный в своих силах Редедя предложил Мстиславу, выступившему войной против касогов, сразиться между собой, чтобы не губить дружину. Победителю доставались владения проигравшего. Мстислав согласился. Когда князь начал бороться, он не мог справиться с богатырем Редедей. Однако, взмолившись о помощи Богородице и обещая построить церковь в ее честь, Мстислав тотчас одолевает противника: «И се рекъ удари имь о землю. И вынзе ножь, и зарѣза Редедю» [ПВЛ, 1950, ч. 1. с. 99]. После этого касоги стали данниками и вассалами тмутараканского князя, а в честь этой победы в Тмутаракани была заложена богородичная церковь. Упоминание момента поражения Мстиславом Редеди – отголосок одной из недошедших до нашего времени песен Бояна – есть и в прологе «Слова о полку Игореве»: «Тогда пущашеть 10 соколов на стадо лебедѣй; который дотечаше, та преди пѣснь пояше – старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожскими»⁵ [Слово о полку Игореве, 1950, с. 9].

В письме к Д. С. Лихачеву от 29 января 1962 г. Н. Н. Асеев по поводу стихотворения «Бой Мстислава с Редедей» пишет: «Соснора первый, кто без формальной точности, но с удивительным чувством строя языка приблизил к читателю великое “Слово” <Речь идет о Слове о полку Игореве. – Т. К., И. Л.>. Причем он вовсе не следует за всем развертыванием свитка времени, угадывая самые его значительные эпизоды. <...> Особенно это ясно в эпизоде битвы Мстислава с Ре-

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-607 (М. И. Борисова). Оп. 1. Д. 567. Л. 40–43.

² РГАЛИ. Ф. 2577 (Л. Ю. Брик, В. А. Катанян). Оп. 1. Ед. хр. 1548. Л. 4–6.

³ Здесь и далее цитаты из стихотворения приводятся по: [Соснора, 1969, с. 22–24]

⁴ «Касоги – народность, жившая к северу от Кавказа. Потомками древних касогов считаются адыги (черкесы)» [ПВЛ, 2012, с. 334]. Этноним пишется по-русски вариативно (касого, касоги, косаги); далее в цитатах написание следует за оригиналом.

⁵ «Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: какую лебедь настигали, та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими» [Слово о полку Игореве, 1950, с. 53]. Д. С. Лихачев обстоятельно обосновал мысль о знакомстве автора «Слова о полку Игореве» с ПВЛ, откуда он черпал сведения о событиях истории XI в. Так, по мнению ученого, «сходство выражений между “Словом” и “Повестью временных лет” (“зареза” “предъ пълкы”) заставляет предположить, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор “Слова” проявил свое знакомство с “Повестью”» [ПВЛ, 1950, ч. 2, с. 369].

дедей, о которой в самом “Слове” сказано-то всего две фразы. А Соснора воспроизводит самую битву с удивительной экспрессией и красочностью» (цит. по: [Лихачев, 1980, с. 273–274]). В поэтическом переложении пролога к «Слову о полку Игореве» Соснора точно следует за автором «Слова»: сюжет о сражении Мстислава с Редедей упомянут первым среди тем бояновых песен:

Первый кречет
кричит победно
песню-здравицу в честь Мстислава,
что прирезал Редедю ⁶
пред полками косога бравых.
[Соснора, 1969, с. 54].

Соснора как бы предлагает фантастическую реконструкцию одной из песен Бояна: на основании ПВЛ создает развернутую поэтическую «сноску» к краткому упоминанию Мстислава и Редеди в «Слове о полку Игореве» ⁷.

Обращаясь к древнерусским сочинениям, Соснора, по его самоопределению, «перефантазирует» ⁸, т. е. «обновляет» события древнерусской истории, приближая их к современному читателю (одна из ранних машинописных редакций «древнерусского» цикла, из архивного фонда Н. Н. Асеева, названа «Слово о полку Игоревом» в современном звучании) ⁹. В критических отзывах и пародиях ¹⁰ на стихи Сосноры, в том числе и на «Бой Мстислава с Редедей», нередко отмечалось «непочтительное» обращение поэта с историей. В обвинениях критиков прослеживается незнание ими древнерусских памятников и непонимание творческого метода работы Сосноры с ними ¹¹.

⁶ При первой публикации этот стих читался по-другому: «что прирезал косога Редедю» [Соснора, 1962, с. 86].

⁷ М. Н. Тихомиров, отрицавший использование какой-либо летописи в качестве источника «Слова о полку Игореве», считал, что его автор пользовался свидетельствами Бояна. Об этом говорит в том числе и самое раннее «припоминание» автора «Слова», касающееся XI в., – рассказ о победе храброго Мстислава над касожским богатырем Редедей (1022). Этому событию посвящена песня Бояна, что сообщается в прологе к «Слову». М. Н. Тихомиров отмечает связь Бояна с Черниговом, считая его песнотворцем Святослава Ярославича Черниговского, изобразившим в своем произведении события, происходившие между 1022 и 1093 гг. и нашедшие отражение в «Слове» [Тихомиров, 1950]. Эти мысли М. Н. Тихомирова близки поэтическому видению Сосноры.

⁸ Об этом он сообщает, например, в одном из ранних радиоинтервью, см.: *Маграчев Л. Е.* Рабочий-поэт (1960): [Радиоочерк]. URL: <http://staroeradio.ru/audio/36279>.

⁹ РГАЛИ. Ф. 28 (Н. Н. Асеев). Оп. 1. Ед. хр. 333. 68 л.

¹⁰ См., например, в достаточно плоской пародии М. И. Глазкова: «– Ты дурак, балда, кретин и оборванец, / Сковородкой по башке б тебя, поганец! / Рожа, харя, и – намордник тебе впору! /...На пятнадцать суток свел Кончак Соснору» [Глазков, 1975, с. 77]. Ср. также в неопубликованной пародии поэта Анатолия Коршунова (1931–2001) «Ой, дуда»: «Я с Бояном, с Редедей дружу. / Слово гну, выгибаю в дугу» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-213 (Редакция журнала «Аврора» издательства Ленинградского Обкома КПСС. Ленинград). Оп. 3. Д. 361. Л. 7, 14).

¹¹ Так, по поводу рассматриваемого стихотворения критик И. Михайлов писал: «Менее удачным представляется нам стихотворение “Бой Мстислава с Редедей”. Дело здесь не только в пресловутой “голой описательности”. Мстислав показан традиционным сказочным богатырем: безоружный, он идет на косога, “кулаками по воздуху тыча, один – против армии в несколько тысяч” и обращает ее в бегство» [Михайлов, 1963, с. 189].

Показательно в этом смысле критическое суждение В. Портнова: «В “Повести временных лет” о храбром князе Мстиславе сказано: “Бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣлом, чермень лицом, великыма очима”. Отзыв этот дает основания и для того, чтобы изобразить Мстислава красавцем, как сделал покойный Антонин Ладинский в своем романе “Анна Ярославна”¹², и для такого изображения, какое находим у Сосноры. Мстислав у него “пучеглаз”, а лицом “солнцелик. Но не ясен, а красен”. Могло быть и так. Но вот поэт передает разговор князя с Редедей перед боем: “Рявкнул Редедя: ~ опять нализался!”

Между тем, если судить по летописи, все было куда достойней: “И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: ‘Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолѣши ты, то возмеша имѣние мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все’. И рече Мьстиславъ: ‘Тако буди’”.

Конечно, право поэта – отойти от истории. Да к добру ли это у Виктора Сосноры в подобных случаях? Меры он не знает» [Портнов, 1963, с. 259]. В 1970 г. эту претензию почти дословно повторил Александр Прокофьев: «По свидетельству летописи, разговор Редеди с Мстиславом был их историческим поединком, был сдержанным и достойным. А у Сосноры Редедя говорит: “Вы руссы... ~ ...и харя вдобавок”» [Прокофьев, 1970, с. 16].

Комизм перебранки в стихотворении Сосноры усиливается на фоне высокопарных речей из соответствующего эпизода единственного, кажется, в русской словесности поэтического описания битвы Мстислава и Редеди – «думы» Кондратия Рылеева «Мстислав Удачный» (1822) («Историческая основа думы – летописное предание в изложении Карамзина» [Рылеев, 1975, с. 237])¹³: «Иди, Мстислав, сразись со мною: / И кто в сей битве победит, / Тому владеть врага страну / Или отдать ее на щит!» [Там же, с. 37–38].

В трагедии Александра Сумарокова «Мстислав» (1774) и в «богатырской повести в четырех песнях» Александра Востокова «Светлана и Мстислав» (1802) сражение героя с Редедей не описывается и не упоминается. В истории русской словесности, однако, с Мстиславом Удачным связана не только историческая баллада-дума Рылеева, но и неосуществленный замысел Пушкина. В эпилоге поэмы «Кавказский пленник» (1820–1821) о Музе автора говорится, что она

Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок
[Пушкин, 1977, с. 101].

Авторское примечание к имени Мстислава гласило: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. *См. Ист. Гос. Росс. Том II*» [Там же, с. 105]. Сохранившийся план поэмы о Мстиславе не был осуществлен, как отметил в комментарии

¹² Речь идет о последнем романе писателя-«возвращенца», поэта и прозаика Антонина Петровича Ладинского (1995–1961) «Анна Ярославна – королева Франции» (1961).

¹³ Ср., с другой стороны, обращенную к Солдату комическую брань Предков в поэме Николая Заболоцкого «Торжество Земледелия» (1929–1930): «Сволочь, дылда, старый мерин, / недоносок рыжей клячи» [Заболоцкий, 2014, с. 156] (в поздней редакции: «Дурень ты и старый мерин, / Недоносок рыжей клячи» [Там же, с. 486]).

Б. В. Томашевский, «вероятно, потому, что новая поэма напоминала бы слишком “Руслана и Людмилу”» [Пушкин, 1977, с. 433]. Нерешенным остается вопрос – лежит ли у истоков пушкинского замысла упоминание поединка в «Слове» («Бой Мстислава с Редедей, поминаемый в “Слове о полку Игореве”, привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 г.» [Томашевский, 1956, с. 473], или его интерес связан с другими источниками (Карамзин, летописи, былины, предания) (см.: [Закруткин, 1941, с. 123; Кочелев, 2003, с. 90]).

В случае Сосноры связь со «Словом» представляется несомненной, а имена Редеди и Мстислава в двух разных стихотворениях («Гусли Бояна» и «Бой Мстислава с Редедей») создают одну из многочисленных значимых перекличек внутри «Всадников».

Батальное стихотворение Сосноры как бы вступает в полемические отношения с ироническим отказом от описания сражений у Пушкина. Томашевский писал: «В одном месте плана он ограничивается простой цитатой из “Орлеанской девственницы” Вольтера: “<...> Сражение – de grands combats et des combats encore” <“большие сражения и снова сражения” (фр.)>. Это – цитата из XV песни поэмы Вольтера, где говорится о военных эпизодах как обязательном украшении эпических поэм <...> Только ироническим отношением к обязательным атрибутам эпических поэм, как волшебства, пророчества, сражения, можно объяснить цитату из пародической поэмы Вольтера» [Томашевский, 1956, с. 477].

Вернемся к размышлениям о творческом методе поэта. Д. С. Лихачев в предисловии к книге «Всадники» (1969) писал о нем как филолог-исследователь: «Соснора поэтически домысливает летописные сказания, “Слово о полку Игореве”, “Сказание о граде Китеже”, “Задонщину”, былины, – как бы продолжает их. Напрасно было бы требовать от Сосноры исторической точности во всем: он поэт, а не источниковед» [Соснора, 1969, с. 6–7]¹⁴. Рассмотрим, каким образом, «реконструируя» песню Бояна, Соснора работает с рассказом ПВЛ.

В интересующем нас рассказе описание внешности князя отсутствует, но дано в некрологе Мстиславу под 6544 (1036) г.: «Бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима» [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 101]. Видимо, оно и взято поэтом за основу для поэтического изображения князя (та же конструкция – имя героя и краткое прилагательное: пучеглаз, солнцелик, красен лицом > дебелъ, чермень). В переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова «чермень» – «румян» [Там же, с. 301], но «чермень» имеет и значения «красный, рыжий» [Фасмер, 1987, с. 344], с большой вероятностью они были известны поэту, проявлявшему внимание к переводу древнерусских слов и работавшему со словарями. В отличие от этикетной характеристики образа князя в летописи, Соснора останавливает внимание на отдельных чертах внешности героя, придающих его образу некоторую индивидуальность: например, «Закрученный ус у Мстислава торчит».

В ПВЛ Мстислав по силам уступает Редее, который был «великъ и силенъ», «нача изнемогати» под натиском соперника [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 99]. В стихотворении, напротив, много деталей, заранее намекающих на победный исход поединка

¹⁴ В рецензии критика А. Чернякова сформулирована мысль, созвучная идее Д. С. Лихачева: «Прошлое поэт рисует как свидетель и очевидец, словно минуя огромную дистанцию времени. Отсюда некоторая ироничность его стихов. Есть, скажем, в летописи рассказ о поединке Мстислава с Редедей. “И сказал Редедя Мстиславу “Не оружием сразимся, но борьбою””. А у В. Сосноры: “Летят в лопухи ~ Кулачная схватка!” Поэтическое зрение В. Сосноры остро современно» [Черняков, 1963, с. 31].

для Мстислава. Отметим сравнение с грабом¹⁵: Мстислав же «плечами / устойчивой граба». Граб имеет широкую крону, твердую и прочную древесину (если представить это дерево, может возникнуть ассоциативная переключка с «дебель телом»). «Устойчивости» Мстислава в стихотворении противоположно описание падения Редеди: «Вот вскрикнул Редедя – / и замертво рухнул <...> Он рухнул, как ствол под секирою грубой». Сразу намекает на победу Мстислава перебранка заглавных персонажей, отсутствующая в летописном рассказе. Это неотъемлемый элемент героического эпоса (русских былин и скандинавских саг – материал, которым Соснора интересовался). Перебранка используется в функции вступления к бою, чтобы раззадорить себя и противника (см. об этом: [Казаков, Петров, 2011, с. 92]). Мотив воинской перебранки летописных персонажей, которым, «чтобы вызвать столкновение, пришлось, как героям Гомера, поднять боевой задор злословием», отмечен А. С. Орловым в рассказах ПВЛ под 6524 (1016) и 6526 (1018) гг., посвященных сражениям за Киевский престол между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным. Они предшествуют рассказу о поединке Мстислава и Редеди [Орлов, 1945, с. 15]¹⁶. Несмотря на то что в летописи столь экспрессивной перебранки, подобной вымышленной поэтом, не могло быть, ее рассказы вполне могли повлиять на идею использования этого приема в стихотворении. Традиционно «победа в поединке достается тому, кто отвечает на оскорбления и обвинения противника, а не тому, кто перебранку начинает» [Казаков, Петров, 2011, с. 95]. Мстислав отвечает. Его поведение отличает самоуверенность: «Мстислав ухмыльнулся, / Мстиславу забавно, / Мстислав сокрушенной улыбкою / застлан: / “О витязь Редедя, / опять нализался!”». В редакции «Всадников» поэт доводит это свойство до гротескного апогея, меняя строку «Мстислав сокрушенной улыбкою / застлан» [Соснора, 1969, с. 23] на «Мстислав до мизинцев улыбкою застлан». Бахвальство присуще обычно начинающему перебранку, а не отвечающему. Однако эта деталь может указывать на поэтическую трактовку образа Мстислава, приближенного к современному читателю.

Пожалуй, самый значимый момент в летописном рассказе о поединке – убийство Мстиславом касожского князя с помощью ножа. Появление этой детали в повествовании обычно вызывает вопрос у современных читателей, поскольку

¹⁵ В составе сравнений (*граб, ствол под секирой*) и при изображении пространства (*роща, осока, бор, ели, лопухи*) стихотворение пронизывает вегетативная образность: недаром на победный пир Мстислав созывает именно близких к природе и растительной жизни *крестьян*.

¹⁶ «Узнав о злодеяниях Святополка, Ярослав выступил против него с тысячью варягов и сорока тысячами новгородцев. В свою очередь, Святополк “пристроив без числа вой, Руси и Печенег, и изыде противу ему к Любичю”. Войска стали “оба полы Днепра и не смяху ни си онех, ни они сих начати и стояша месяца три противу собе”. <...> “И воевода нача Святополчь, езда возле берег, укаряти Новгородцев, глаголя: что придосте с хромцем симь (по скандинавским сагам, Ярослав был хром), а вы плотници суще? а приставим вы хоромов рубити наших”. Рассерженные новгородцы на утро перевезлись через Днепр, оттолкнули лодки от берега и загнали Святополка с дружиною на лед озера. Лед обломился, Ярослав одолел Святополка, и тот бежал в Польшу (“в Ляхы”). Такой же стилистический мотив военной перебранки применен и далее, когда Святополк с Болеславом Польским стали против Ярослава у Буга, “кормилец и воевода именем Буды нача укаряти Болеслава, глаголя: да то ти прободем трескою черево твое тольстое! Бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на коне не могли седети, но бяше смыслен; и рече Болеслав к дружине своей: аще вы сего укора не жаль, аз един почыну. Всед на конь, въбрете в реку, и понемь вои его. Ярослав же не утягну исполчится, и победи Болеслав Ярослава”» [Орлов, 1945].

речь в начале рассказа идет о рукопашной схватке. Исследователь А. В. Гадло устраняет сомнения в правомерности использования Мстиславом в единоборстве холодного оружия указанием на «акт ритуальной передачи верховной власти над всем касожско-зихским объединением, как решение вопроса о власти путем “божьего суда”» [Гадло, 1988, с. 202]. В не рассчитанном на зрелищность древнерусском повествовании «нож» знаменует победу, одержанную Мстиславом, по воле Высших сил (по его молитве Богородице), а не «физическую» расправу над соперником (деяния князей в ПВЛ осуществляются исключительно по Высшей воле). Обращает на себя внимание, что, в отличие от летописного рассказа, в стихотворении Сосноры «нож» скрыт умолчанием. О нем может быть известно читателю, знакомому с ПВЛ. Также на него намекает описание момента поражения Редеди: «Он рухнул, как ствол под секирою грубой». Попробуем объяснить отсутствие значимой детали в стихотворении. Вводя в его название, помимо имен героев, слово «бой», поэт акцентирует процесс поединка. Минус-прием подчеркивает динамику и зрелищность сцены. Читатель, вовлеченный в нее Соснорой в качестве наблюдателя, из-за скорости сменяющихся действий как бы не успевает заметить удар ножом, а видит уже рухнувшего Редеду, причем достаточно близко (в стихотворении акцентированы «черноволосые руки»), т. е. Соснора буквально приближает событие к читателю.

Для стихотворения Сосноры характерны как авторские смысловые и ассоциативные акценты, так и ритмические.

Несмотря на разнообразие в графическом оформлении (длинные и короткие строки, строки, состоящие из одного фонетического слова, «косые ступеньки» [Гаспаров, 2022, с. 382], сдвинутые столбцы), основная часть стихотворения написана урегулированным размером (четырёхстопный амфибрахий с женскими окончаниями), двустушиями. Сдвиги столбца, «лесенка», разбивка на полустушия и однословные подстишия осложняют «схватывание» метра, однако читатель от начала до конца ощущает ритмико-интонационную цельность стиха.

В первых восьми стихах, однако, форма как бы нащупывает самоё себя: во втором из двустуший – мужские окончания (*нарчѣ – торчѣт*), а стихи 5–8 сгруппированы в четверостишие *abab*; мужские окончания после стихов 3–4 навсегда покидают текст стихотворения, а рифмовка *abab* возвращается в кульминационный момент описания битвы («Он рухнул, как ствол под секирою грубой... ~ ...и, шею набычив, / пошел на косогов») и в финале (во всех редакциях последние четыре стиха отделены от основного массива строкой пробела). Финальное четверостишие переключается с первым (стихи 5–8), образуя неточное композиционное кольцо: вторые их половины тождественны, а первые дают забавную переключку отдаленных неточных рифм: *устойчивей граба – пирует – до храпа*.

Разбивка стиха часто обнажает не концевые, а внутренние рифмы: «Но не ясен, / а красен...», «Из роци, / где ропшет...», «Вы, руссы, / вы – труссы...». Внутренним рифмам предшествует паронимическое сближение; в первом же стихе: «Мстислав пучеглаз и угрюм, как пучина». В современном языке слабо ощущается этимологическая связь между словами *пучеглаз* (*пучеглазый*) и *пучина*, однако оба восходят к общему корню со значением ‘то, что вздымается, лопается’. В первом стихе видится эмбрион сюжетной функции Мстислава: в решающий

момент сражения он как бы «вспучивается»¹⁷: «...и, шею набычив, / пошел на косогов».

Параллелизм стихов 1 и 5 чреват двойственностью облика героя, амбивалентностью высокого и низкого: он *пучеглаз*, и при этом *солнцелик*. Дальнейшие уточнения («...не ясен, / а красен / лицом...») превращают лицо Мстислава в устрашающую боевую маску: *красен*, как *солнце*, и при этом *пучеглаз*. Отмеченные черты Мстислава отсылают к образу его отца Владимира Красное Солнышко – крестителя Руси и великого война (ипостась в образе Мстислава наиболее проявленная).

Сходным образом раздваивается определение *маститый*, но здесь двоякость проецируется на историю языка: в современном словоупотреблении – в первую очередь в парадном советском лексиконе – *маститый* означает ‘заслуживший уважение многолетней деятельностью’ («маститый писатель», «маститый деятель искусства» и проч.). В таком случае употребление слова было бы вопиющим анахронизмом, каковых немало в «древнерусских» стихах Сосноры; однако у слова есть старое, древнерусское значение: ‘жирный, лоснящийся’. Если читатель вспомнил об этом, более органичном для исторической фабулы, значении, слово характеризует внешность, а не социальный статус Мстислава, и вносит дополнительную черту в складывающийся зрительный образ устрашающей маски: *пучеглаз*, *красен* и при этом блещет (как солнце), лоснится.

Два острых анжамбемана подчеркнуты необычной графикой: в первом случае перенос «спрятан» среди сегментов «лесенки» («Мстислав солнцелик. / Но не ясен, / а красен // лицом, / а плечами / устойчивей граба»), а во втором, строфическом – резко выделен сильным (двойным) сдвигом столбца вправо (образуя при этом отдельное маленькое композиционное кольцо внутри текста): «орлами голодными / перед бранью / с орлами голодными».

Подчеркнутый единообразной графикой параллелизм при описании двух армий (стихи 9–10 и 11–12), кажется, предвосхищает «Куликово поле» Пригова (1976): «Вот этих справа я поставил / Вот этих слева я поставил» [Пригов, 1997, с. 245]. Графика и синтаксис дают у Сосноры близкую к точности параллель, а наличие или отсутствие внутренней рифмы разводят две армии: «Из рощи, / где ропщет...», но «Из бора, / где ели...». Отметим также утяжеление первой стопы и стык двух ударений в трехсложном размере, которых в профессиональной поэзии предпочитают избегать (слово «русых» целиком попадает в междударный интервал): «ведёт рúсых руссов».

Если у Пригова голос, который слышит «внутренним ухом» читатель, принадлежит внеположному описываемой реальности Верховному Существо («Вот ангелов своих наставил» [Там же]), у Сосноры – поэту-рапсоду, вместившему драматургию битвы во время рассказывания о битве. В финальном повторе читатель может расслышать ноту усталости (начало далеко, рассказ был длинным) и ноту удовлетворения: рассказ, как и битва, вышел удачным. Рассказчик здесь тоже внеположен, – но это не сам Бог, а скорее взрослый, описывающий мальчишескую схватку: «Летят в лопухи оборонные латы. <...> / Мечи – в лопухи! / Если драться – то драться!»¹⁸.

¹⁷ Ср. название главы из третьего тома романа Андрея Белого «Москва» («Маски», 1932): «Как тыква, пропучен».

¹⁸ «Летят в лопухи оборонные латы. // Сцепились два князя. / Кулачная схватка!» – композиционный центр стихотворения. Отметим, что только в этом двустишии ни разу не употребляется буква «м», с которой начинается имя Мстислава. Буква «р» единственный

Динамика действия подчеркнута восьмикратным употреблением пунктуационного знака тире: «вы – трусы!», «Ваш князь – недоносок», «Мечи – в лопухи! Если драться – то драться!», «Вот вскрикнул Редедя – и замертво рухнул», «один – против армии в несколько тысяч, / с двумя кулаками – / на полчища стали», «и пирует – до храпа!» (острые анжамбеманы и обилие тире, как известно, – приметы поэтического стиля Марины Цветаевой). Наконец, дополнительную энергию сообщает троекратное – и снова при описании решающих моментов битвы – появление во вторых стихах двустопных тонических стихов на общем амфибрахическом фоне: «орлами голодными перед бранью» (U-UU-UUUU-U), «раскинув черноволосые руки» (U-UUUU-UU-U) и «Смутились косоги и побежали...» (U-UU-UUUU-U). (При первой публикации и в машинописных редакциях в последнем случае, как мы помним, амфибрахий не нарушался: «Смутились косоги и *вспять / вдаль* побежали...» (U-U/U-U/U-U/U-U).)

Четырехстопный амфибрахий – достаточно длинный размер; авторская графика в экспозиции указывает место цезуры, делящей стих на два полустишия. В 16 из 42 стихов цезура приходится на словораздел после пятого слога (по модели «Мстислав солнцелик»), в 19 – после шестого (по модели «Из рощи, где ропщет»). На этом фоне выделяются 6 более энергичных стихов с цезурой после седьмого слога (по модели «И сдвинулись армии»; стихи 13–15, 25–26 и 36) и еще более сильно – стих 30 («раскинув черноволосые руки»¹⁹), где цезурообразующий словораздел единственный раз в стихотворении сильно сдвинут влево, на третий слог.

Множеству динамизирующих факторов противостоит природа четырехстопного амфибрахия, который выступает своего рода остранивающим «замедлителем» в изображении схватки; на протяжении всего стихотворения сохраняется баланс динамики и ретардации.

Особенности в передаче динамики схватки, «выхватывание» отдельных черт внешности персонажей, экспрессивный диалог – все эти художественные приемы придают сцене боя «визуальный», «кинематографический» эффект. Он усиливается, благодаря кольцевой композиции стихотворения. Перебранка главных героев и пир Мстислава в честь победы – события, создающие вокруг сцены боя композиционное кольцо, которое, в свою очередь, подчеркивается еще больше повторами стихов: «Мудрец Ярослав и молва не напрасно / прозвали Мстислава маститого Храбрым».

Благодаря тому, что в приведенных строках названы имена двух сыновей Владимира Красное Солнышко, одного из старших – Ярослава Мудрого и одного из младших – Мстислава Храброго, искушенный читатель может реконструировать историю княжеских междоусобиц, связанных с этими лицами, о чем также можно узнать из летописи.

Что касается прозвищ Храбрый и Мудрый, то в ПВЛ их нет. В некрологе под 6544 (1036) г. содержится этикетный эпитет «храборъ на рати» [ПВЛ, 2012], «храбрым» князь назван и в «Слове о полку Игореве». То, что Ярослав дал прозвище Мстиславу – это вымысел поэта. Не этикетные эпитеты, а именно прозвища Ярослав и Мстислав получили довольно поздно, их нет еще у Н. М. Карамзина

раз не употребляется, когда косоги остались без Редеди: «...с двумя кулаками – / на полчища стали. // Смутились косоги / и побежали...»

¹⁹ Ср. сочетание «лоб простоволосый» в «черноморской легенде» Сосноры «Марина» [Соснора, 1965, с. 146].

в «Истории государства Российского» [1991]. Как пишет А. В. Сиренов, «...в Степенной книге он <Ярослав Мудрый. – Т. К., И. Л.> называется “богомудрым”, а Н. М. Карамзин именуется его “мудрый Ярослав”. В более поздней историографической традиции “мудрый Ярослав” стал “Ярославом Мудрым»» [Сиренов, 2017, с. 189]. Вероятно, после выхода труда Н. М. Карамзина приобрел прозвище и Мстислав Храбрый.

Соснора – поэт литературной парадигмы XX в., свободный от требований литературного этикета, которому подчинено летописное повествование. Опираясь на рассказ ПВЛ, обращаясь также и к другим ее рассказам, и «Слову о полку Игореве», поэт создает собственный поэтический сюжет, как бы предлагая фантастическую реконструкцию песни Бояна.

Список литературы

Гадло А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси: Сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Вып. 1. С. 84–100.

Гаспаров М. Л. «Шут» А. Белого и поэтика графической композиции // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М.: НЛЮ, 2022. Т. 4: Стихovedение. С. 378–388.

Глазков М. Блудопись // Глазков М. И. Кувьрыком с Олимпа: Сатира и юмор. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1975. С. 77.

Заболоцкий Н. А. Метаморфозы / Сост., подгот. текста и коммент. И. Е. Лощина. М.: ОГИ, 2014. 954 с.

Закруткин В. А. Пушкин и Лермонтов: Исследования и статьи. Ростов н/Д: Ростиздат, 1941. 304 с.

Казаков Г. М., Петров Н. В. Сюжетные функции перебранок в эпической поэзии (саги и былины) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 9 (71). С. 84–107.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. 832 с.

Кошелев В. А. О замысле Пушкина («Мстислав») // Русская литература. 2003. № 1. С. 86–97.

Лихачев Д. С. Воспоминания о Николае Асееве // Воспоминания о Николае Асееве. М.: Сов. писатель, 1980. С. 240–302.

Михайлов И. На пути в неизвестное: Виктор Соснора. Январский ливень. «Советский писатель», Л., 1962 // Нева. 1963. № 1. С. 188–189.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1945. 143 с.

ПВЛ, 1950 – Повесть временных лет: В 2 ч. / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1950. Ч. 1. 404 с.; Ч. 2. 556 с. (Серия «Литературные памятники»)

ПВЛ, 2012 – Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.

Портнов В. По былинам сего времени [Рец. на: Виктор Соснора. Январский ливень. Стихи. «Советский писатель». М.–Л. 1962. 100 стр.] // Новый мир. 1963. № 2. С. 258–261.

Пригов Д. А. Собрание стихов. Т. 2: 1975–1976. № 154–401 (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 43). Wien: Institut für Slavische Philologie, 1997. 334 с.

- Прокофьев А.* Берегите родники поэзии // Литературная Россия. 1970. № 28 (392), 10 июля. С. 16.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы. Сказки. 448 с.
- Рылеев К.* Думы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1975. 255 с. (Серия «Литературные памятники»)
- Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л.: АН СССР, 1950. 484 с. (Серия «Литературные памятники»)
- Сиренов А. В.* О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). 184–193.
- Соснора В. А.* Январский ливень. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 100 с.
- Соснора В. А.* Триптих. Л.: Лениздат, 1965. 155 с.
- Соснора В. А.* Всадники. Л.: Лениздат, 1969. 112 с.
- Соснора В. А.* Возвращение к морю: Лирика. Л.: Сов. писатель, 1989. 304 с.
- Соснора В. А.* Всадники (По мотивам «Слова о полку Игореве») / Предисл. Д. С. Лихачева. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. 112 с.
- Соснора В. А.* Стихотворения. СПб.: Амфора, 2006. 870 с.
- Соснора В. А.* Последняя пуля. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 224 с.
- Соснора В. А.* Стихотворения. СПб.; М.: Союз писателей Санкт-Петербурга; РИПОЛ классик; Пальмира, 2018. 910 с.
- Тихомиров М. Н.* Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 175–187.
- Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 744 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4 (Т – Ящур). 864 с.
- Черняков А.* Январский ливень // В мире книг. 1963. № 3. С. 31.

References

- Chernyakov A. Yanvarskiy liven' [January downpour]. In: *V mire knig* [In the world of books]. 1963, no. 3, p. 31.
- Gadlo A. V. K istorii Tmutarakanskogo knyazhestva vo vtoroy polovine 11 v. [On the history of the Tmutarakan principedom in the second half of the 11th century]. In: *Slavyano-russkie drevnosti. Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevney Rusi: Sb. st. art.* [Slavic-Russian antiquities. Historical and archeological study of Ancient Rus: Coll. art.]. Leningrad, LSU Publ., 1988, iss. 1, pp. 84–100.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German). Moscow, Progress, 1987, vol. 4 (Т – Yashchur), 864 p.
- Gasparov M. L. "Shut" A. Belogo i poetika graficheskoy kompozitsii ["The Jester" by A. Bely and the poetics of graphic composition]. In: Gasparov M. L. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, NLO, 2022, vol. 4: Stikhovedenie [Poetical studies], pp. 378–388.
- Glazkov M. Bludopis'. In: Glazkov M. I. *Kuvyrkom s Olimpa: Satira i umor* [Somersault from Olympus: Satire and humor]. Yaroslavl', Verkhne-Volzhskeye. kn. izd., 1975, p. 77.

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: V 12 t.* [History of the Russian state: In 12 vols]. A. N. Saharov (Ed.). Moscow, Nauka, 1991, vols. 2–3, 832 pp.

Kazakov G. M., Petrov N. V. Syuzhetnye funktsii perebranok v epicheskoy poezii (sagi i byliny) [The plot functions of the shuffling in epic poetry (sagas and byliny)]. *RSUH Bulletin. Series: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies."* 2011, no. 9 (71), pp. 84–107.

Koshelev V. A. O zamysle Pushkina ("Mstislav") [On the idea of Pushkin ("Mstislav")]. *Russkaya Literatura*. 2003, no. 1, pp. 86–97.

Likhachev D. S. Vospominaniya o Nikolae Aseeve [Memories about Nikolai Aseev]. In: *Vospominaniya o Nikolae Aseeve* [Memories about Nikolai Aseev]. Moscow, Sov. pisatel', 1980. pp. 240–302.

Mikhaylov I. Na puti v neizvestnoe: Viktor Sosnora. Yanvarskiy liven'. "Sovetskiy pisatel'", Leningrad, 1962 [On the way to the unknown: Victor Sosnora. January Downpour. "Sovetskiy pisatel'", Leningrad, 1962]. *Neva*. 1963, no. 1, pp. 188–189.

Orlov A. S. Geroicheskie temy drevney russkoy literatury [Heroic themes of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1945, 143 p.

Portnov V. Po bylinam sego vremeni [Rets. na: Viktor Sosnora. Yanvarskiy liven' Stikhi. "Sovetskiy pisatel'"] [On the bylinas of this time [Review on: Victor Sosnora. January Downpour. Poems. "Sovetskiy pisatel'"]. Moscow, Leningrad, 1962, 100 p.]. *Novyy mir*. 1963, no. 2, pp. 258–261.

Povest' vremennykh let: V 2 ch. [The Russian Primary Chronicle: In 2 pts.]. D. S. Likhachev (Prep. of the text), D. S. Likhachev, B. A. Romanov (Transl.), V. P. Adrianova-Perets (Ed.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1950, 1950, pt. 1, 404 p.; pt. 2, 556 p. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Povest' vremennykh let [The Russian Primary Chronicle]. D. S. Lihachev, O. V. Tvorogov (Transl.), A. G. Bobrov, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A. M. Vvedensky, L. V. Voitovich (Comments.). St. Petersburg, Vita Nova, 2012, 507 pp.

Prigov D. A. Sobranie stikhov. T. 2, no. 154–401, 1975–1976 [Collection of poems. Vol. 2: no. 154–401, 1975–1976]. In: *Wiener slawistischer Almanach*. Wien, Institut für Slavische Philologie, 1997, Sonderband 43, 334 pp.

Prokof'ev A. Beregite rodniki poezii [Save the springs of poetry]. *Russkaya Literatura*. 1970, no. 28 (392), 10 July, p. 16.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete works: In 10 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977, vol. 4: Poemy. Skazki [Poems. Fairy tales], 448 p.

Ryleev K. *Dumy* [Dumas]. L. G. Frizman (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 255 p. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Sirenov A. V. O prozvishchakh drevnerusskikh knyazey [On the nicknames of Old Russian princes]. *St. Petersburg Historical Journal*. 2017, no. 2 (14), pp. 184–193.

Slovo o polku Igoreve [The Song of Igor's Campaign]. V. P. Adrianova-Perets (Ed.), D. S. Likhachev (Comm.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, 484 pp. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Sosnora V. A. *Poslednyaya pulya* [The last bullet]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2010, 224 p.

Sosnora V. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Amfora, 2006, 870 p.

Sosnora V. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Moscow, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga, RIPOL klassik, Pal'mira, 2018, 910 p.

Sosnora V. A. *Triptikh* [Triptych]. Leningrad, Lenizdat, 1965, 155 p.

Sosnora V. A. *Vozvrashchenie k moryu: Lirika* [Return to the Sea: Lyrics]. Leningrad, Sov. pisatel', 1989, 304 p.

Sosnora V. A. *Vsadniki* [Riders]. Leningrad, Lenizdat, 1969, 112 p.

Sosnora V. A. *Vsadniki (Po motivam "Slova o polku Igoreve")* [The riders (Based on "The Tale of Igor's Campaign")]. D. S. Likhachev (Preface). St. Petersburg, Pushkinskiy fond, 2003, 112 p.

Sosnora V. A. *Yanvarskiy liven'* [January downpour]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1962, 100 p.

Tikhomirov M. N. *Boyan i Troyanova zemlya* [Boyan and the Trojan Land]. In: *Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniy i statey* [The Song of Igor's Campaign: Collection of researches and articles]. V. P. Adrianova-Perets (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, pp. 175–187.

Tomashevskiy B. V. *Pushkin. Kn. 1 (1813–1824)* [Pushkin. Bk. 1 (1813–1824)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956, 744 pp.

Zabolotskiy N. A. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. I. E. Loshchilov (Ed.). Moscow, OGI, 2014, 954 p.

Zakrutkin V. A. *Pushkin i Lermontov: Issledovaniya i stat'i* [Pushkin and Lermontov: Research and articles]. Rostov on Don, Rostizdat, 1941, 304 pp.

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Tatyana I. Kovaleva, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Igor E. Loshchilov, Candidate of Philology, Leading Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.04.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 09.04.2023;
approved after reviewing on 15.04.2023; accepted for publication on 10.05.2023*